

ОБРАЗ ГЕРАКЛА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТОРЕВТИКИ IV в. до н.э. ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Для развития культуры кочевых скифов чрезвычайно важную роль играли взаимоотношения с эллинами античных государств Северного Причерноморья. Благодаря интенсивным контактам в скифских курганах, особенно IV в. до н.э., найдено большое количество высокохудожественных произведений торевтики, изготовленных в греческих ювелирных мастерских Боспора и Аттики. Среди них привлекают внимание персонажи греческой мифологии, тесно связанные с мифами и религией скифов. К кругу этих памятников относятся украшения конской узды и золотые аппликационные пластины с разнообразными изображениями Геракла.

Голова бородатого Геракла в виде маски встречается исключительно на украшениях конской узды. Так, из Чмыревой Могилы происходят рельефные бронзовые пластины с золотой плакировкой, на которых сохранились два варианта изображения [Онайко, 1970. С.33. Табл. XXIV, з, д]. Первый – это круглые фалары, в поле которых вписана голова героя анфас с тщательно уложенной прической и пышной бородой. Идеально величественный тип лица, строго симметричная укладка волос и бороды, вместе с увенчивающим голову шлемом в виде раскрытой пасти льва, позволяют идентифицировать его с Гераклом. Второй вариант изображения казался бы отличается от первого только овальной формой пластины, обрезанной по контуру головы. Однако особенности передачи лица с широкими скулами и миндалевидными глазами, форма и характер завитков волос, шлем с завершением в виде лохматой гривы свидетельствуют о двух очень близких, хотя и разных по манере исполнения изделиях, возможно, происходящих из одной мастерской.

На круглых бронзовых фаларах с плакировкой серебром и золотой фольгой из курганов Толстая Могилы [Мозолевский, 1979. С. 37,38. Рис. 22,3] и Огуз [Boltrik, Fialko, 1996. S. 122, 128. Taf. 8] представлен еще один вариант изображения головы бородатого Геракла в львином шлеме анфас. На фоне пластины, окантованной двойным валиком, выделяется округлая голова героя, окруженная густыми, курчавыми завитками волос, которые, мягко очерчивая невысокий лоб, плавно переходят в длинную бороду. Небольшие усы закрывают верхнюю губу. Мастер тщательно передал мельчайшие детали больших, широко раскрытых глаз под нависающими бровями, прямой формы нос и шлем с круглыми ушками и шерстью по бокам. Все эти особенности придают изображению вид застывшей маски с несколько утрированными чертами лица, по своим художественным достоинствам значительно уступающей отмеченным выше образам из Чмыревой Могилы. Это позволяет, несмотря на якобы их стилистическую и иконографическую близость [см.: Мозолевский, 1979. С. 185; Фіалко, 1993. С. 14], разделить все образцы по хронологии и манере исполнения на три самостоятельные группы, относящиеся к первому иконографическому типу.

Совершенно иная трактовка образа Геракла представлена на серебряных прямоугольных пластинах от набора конской узды из кургана Бабина Могила [Мозолевский, Полин, 1987. С.8–9; Rimini, Mille, 1995. P.75. Cat. 42b; Scythian gold, 1999. Cat. 151]. Перед нами погрудное изображение молодого безбородого героя в наброшенном на голову шлеме и перевязанном на шее плаще из шкуры льва, лапы которого образуют орнаментальный узел. Вытянутое овальное лицо, обрамленное изысканно завитыми локонами волос, с высоким лбом, одутловатыми щеками и выразительными глазами, прямым носом и слегка припухлыми губами выдают руку талантливого эллинского торевта, передавшего в высоком рельефе одухотворенный образ героя.

Из этого же погребения происходят круглые серебряные позолоченные украшения конской узды с головой безбородого юноши в плаще, завязки которого напоминают львиные лапы [Золото степу, 1991. Кат.139; Scythian gold, 1999. P. 284, 285. Cat. 139, 140]. Вместе с тем, симметричные изогнутые рожки с насечками, идентичные изображенному на парных фаларах с головой бородастого мужчины с пышной прической [Золото степу, 1991. Кат.139; Scythian gold, 1999. P. 283, 284. Cat. 137, 138], свидетельствуют о том, что это скорее всего Ахелой, а не Сатир или Геракл, как считалось ранее [Scythian gold, 1999. P. 283-285. Cat. 137-140].

Любопытно, что голова Геракла в виде маски на изделиях конской узды сопровождается аналогичными масками Диониса (Толстая Могила, Огуз) или Сатира (Чмырева Могила), образы которых получили широкое распространение в эллино-скифской торевтике IV в. до н.э. [Русяева, 1995. С.23-25]. Изображение Геракла и Диониса, вероятно, связано с элевсинскими мистериями или другими совместными культами этих божеств, получивших распространение как в среде эллинов, так и скифских номадов.

К этому же набору конской узды принадлежит и уникальный серебряный с позолотой налобник с изображением фигуры отдыхающего Геракла [Scythian gold, 1999. P. 290, 291. Cat. 145]. Обнаженный герой стоит на невысоком возвышении, возможно, имитирующем постамент статуи. Голова в шлеме из шкуры льва с высоким гребнем повернута к левому плечу и слегка опущена. Пышные волнистые волосы, обрамляя лицо, закрывают уши и спускаются на шею. Высокий хорошо промоделированный лоб прикрывает шлем. Надбровные дуги, трактованные гранями, плавно нависают над большими широко открытыми глазами с рельефными веками и слезником. Округлой формы борода единой, почти не расчлененной массой покрывает нижнюю часть лица. На нее с верхней губы спускаются длинные усы.

Тяжесть тела перенесена на правую ногу и палицу со свернутой шкурой льва, на которую опирается левой рукой Геракл. Левая нога чуть выдвинута вперед. Этот прием постановки фигуры придает телу легкий изгиб, смещение линии бедер. Правая рука согнута в локте и опирается сжатым кулаком в бок, левая с палицей опущена вниз. В композиции ясно ощущается хиастическое построение – напряженная правая нога и левая рука и, соответственно, ослабленная левая нога и правая рука. Мотив согнутой в локте правой руки нарушает фронтальность фигуры и создает некоторую пространственность и динамичность. Мышцы тела сильно развиты и подчеркивают движение. Четко обрисо-

ваны мускулы грудной клетки, живота, талии, подчеркнута выпуклая граница живота, выступающая складкой над бедрами. Пропорции фигуры стройные, но немного приземистые.

В своей основе этот мотив эллинскими торевтами был скопирован со статуи Геракла, которая по иконографической схеме близка к мраморной скульптуре, воздвигнутой Скопасом в гимнасии Сикиона и описанной Павсанием [II, 9, 8; 10, 1.7]. Её воспроизведения сохранились как в мраморе, так и бронзе, а также на бронзовых монетах сикионской чеканки [Давыдова, 1997. С. 54–60. Рис.1–2]. Наиболее близкими аналогиями к рассматриваемому налобнику являются бронзовая статуя отдыхающего Геракла 330–320 гг. до н.э. из Большого Лувра и римская мраморная копия с греческого оригинала IV в. до н.э. из Государственного Эрмитажа [Давыдова, 1997. Рис.1].

Однако статуя отдыхающего Геракла Скопаса изображала молодого безбородого мужчину, увенчанного венком из веток белого тополя. Именно этот факт позволил ученым выделить группу памятников, получивших условное название «тип Дженцано» в честь гермы Геракла из Британского музея [Latimore, 1975. P.17-26; Давыдова, 1997. С. 55–57. Рис.3–5].

Интересно, что в Северном Причерноморье в погребении жрицы Деметры в кургане Большая Близница были найдены квадратные золотые аппликационные пластины с подобной иконографической трактовкой образа безбородого Геракла, не встречающиеся ни в одном из скифских курганов [Williams, Ogen, 1994, P. 194–195. Cat. 129]. В данном случае перед нами погрудное изображение в легком трехчетвертном повороте влево, обрамленное широкой полосой ионийского киматия. Голова Геракла увенчана венком из листьев белого тополя, указывающего на его связь с хтоническим культом и являвшегося вместе с осиной священным деревом героя. На правое плечо возложена дубинка. Высокий лоб прорезает широкая поперечная складка, под выступающими надбровными дугами – большие миндалевидные глаза с тонко проработанными зрачками.

Соответственно мифологическим данным, перед свершением своего последнего подвига Геракл был посвящен в элевсинские мистерии [Diod. IV, 14]. Поэтому образ Геракла на золотых аппликационных пластинах, найденных вместе с аналогичными изделиями, украшенными погрудными изображениями Деметры и Персефоны, а также терракотовые статуэтки героя из Большой Близницы свидетельствуют о его непосредственной связи с загробным культом. Почти идентичное изображение Геракла можно видеть на так называемой статуе Лансдаун, римской копии с греческого оригинала 340-х гг. до н.э., хранящейся в коллекции музея Пола Гетти в Малибу (США), которая отнесена исследователями к кругу памятников Скопаса, близких к голове Геракла с западного фронтона храма Афины Алеи в Тегее [Latimore, 1975. P.25,26].

Кроме описанных выше предметов, в кургане Бабина Могила найдены серебряные украшения конской узда с изображениями первого и последнего (двенадцатого) подвигов Геракла. По стилистике и декору они в значительной степени отличаются от предыдущих фаларов и налобника.

Обе композиции заключены в круг, декорированный полосой плетенки и жемчужника. Сцена поединка Геракла с немейским львом сохранилась крайне

фрагментарно, однако позволяет судить о её построении и манере исполнения [Koczoŋnicu Ukrainy, 1996. P. 179, 180, 228. № 27.6; Scythian gold, 1999. P. 286, 287. Cat. 142]. Обнаженный безбородый Геракл, опирающийся коленом левой и вытянутой вперед ступней правой ноги в каменистую почву, сомкнул руки на шею разъяренного льва. Под их ногами изображена лежащая дубинка. Торевт тщательно проработал мускулатуру напряженного тела греческого героя и хищника, передав вздувшиеся вены.

Многочисленные миниатюрные золотые аппликационные пластины повторяют эту иконографическую схему в зеркальном отражении. Фигура героя влево идеально вписана в круглое поле, обрезанное по краю композиции. Пластины, происходящие из многих погребений (Чертомлык, Чмырева Могила, Верхний Рогачик, Шульговка, Куль-Оба, Желтокаменка), [Ростовцев, 1925. С. 447; Онайко, 1970. С. 105; Мозолевский, 1982. С. 211; Алексеев, 1986. № 32; Копейкина, 1986. С. 55. № 25], по манере исполнения и стилистике разделяются на две группы, свидетельствующие о длительном использовании штампа и его неоднократном обновлении. По мнению М. И. Ростовцева, поддержанном впоследствии всеми исследователями, прототипом для него послужили монеты Кизика и Сиракуз конца V в. до н.э. с точным воспроизведением этого сюжета [Копейкина, 1986. С. 55].

На серебряном фаларе из Бабиной Могилы показан еще один подвиг Геракла – поединок со стражем царства Аида Кербером [Koczoŋnicu Ukrainy, 1996. P. 179, 180, 228. № 27.5; Scythian gold, 1999. P. 286, 287. Cat. 141]. Профильное изображение обнаженного юного героя, с трехчетвертным разворотом мускулистого торса, показано в момент наивысшего драматического накала сражения. Трехглавое чудовище яростно сопротивляется, обхватив лапами ноги Геракла, который в этот момент, набросив веревку на шею, пытается повалить его на землю. Позади изображена брошенная на камни шкура льва и палица. Этот сюжет, получивший широкое распространение в греческой монументальной скульптуре и вазописи, представлен пока всего лишь одним произведением тореvтики в Северном Причерноморье.

Последний иконографический тип – фигура обнаженного юноши в позе коленопреклоненного бега, держащего в руках плоды, представлен на овальных золотых аппликационных пластинах, найденных в нескольких скифских курганах [Артамонов, 1966. Табл. 110; Онайко, 1970. С. 47. Табл. XLI, 499-а; Копейкина, 1986. С. 52, 53. № 23; Scythian gold, 1999. P. 239. Cat. 112]. Выполненный в технике штампа рельеф дает четкое представление об анатомии и мускулатуре тела героя. Несмотря на несколько небрежное исполнение, пропорции фигуры не нарушены, а волосы, разметавшиеся от быстрого бега, переданы с помощью косых параллельных линий или же острых завитков.

Точного прототипа изображениям не найдено и общепризнанной является версия заимствования его с какого-то резного камня или монеты. Относительно иконографии сюжета высказано предположение, что это переработанный монетный тип Геракла, душающего змей [Rostowzew, 1931. S. 397], однако исходя из формы предметов в руках Геракла, более вероятным представляется изображение героя с яблоками Гесперид.

Таким образом, исходя из приведенных выше описаний, можно выделить семь основных иконографических типов Геракла в произведениях торевтики, происходящих из Северного Причерноморья, преимущественно из погребений скифских кочевников: голова в виде маски в львином шлеме, погрудное изображение безбородого героя в шлеме или венке, фигура отдыхающего Геракла, изображение первого, одиннадцатого и двенадцатого подвигов. Они свидетельствуют о синкретичности образа героя-бога, его связи с хтоническими культами. По-видимому столь широкую популярность в среде номадов этот образ получил благодаря легенде о происхождении скифов, описанной Геродотом, согласно которой Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в Гилею в колеснице, запряженной лошадьми, которых местная змее-дева тайно выкрала у него [IV, 8-10]. Возможно поэтому его изображение так часто служит украшением конской узды, будучи своеобразным апотропеем.

А. С. Русяева

АБАБ, СЫН КАЛЛИСФЕНА – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

В возрожденной после гетского нашествия Ольвии уже в первые десятилетия I в. н.э. появился неординарный политический деятель, личность которого привлекла сравнительно мало внимания ученых. Чаще при рассмотрении тех или иных вопросов по истории и культуре этого города отмечалось наличие эпиграфических источников, свидетельствующих о его контактах с Римом, культе римских императоров и строительстве монументальных сооружений (Ср.: Латышев, 1887. С. 73; Яйленко, 1987. С. 73; Анохин, 1989. С. 56, 58; Русяева, 1992. С. 155, 156; 1999. С. 469, 579; Крапивина, 1993. С. 140, 141; 1999. С. 233; Крижицкий, 1998. С.158; Vinogradov, 1997. S. 342). Между тем, хотя бы приблизительное выяснение характера деятельности первого из известных лидеров в греко-римский период истории Ольвии имеет немаловажное значение для понимания того, кем он являлся на самом деле, какую роль сыграл в судьбе гражданской общины и в ее первых взаимоотношениях с Римом.

В надписи на мраморной плите сообщалось, что Абаб, сын Каллисфена, «императору цезарю богу сыну бога Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, императору сыну бога Тиберию цезарю и Демосу на собственные средства стою» посвятил (IOSPE, I(2), 181). Очевидно, плита была вмонтирована в указанное в посвящении сооружение, остатки которого до сих не открыты.

Поскольку титул *Σεβαστός* перешел к Тиберию после смерти Августа в 14 г. н.э., то надпись единодушно датируется близко к этому времени. В ней применена почти вся титулатура, которой обладал Октавиан, получивший божественный культ после смерти (CIL. X. 3757). Уже в 14 г. он был канонизирован и официально именовался *Divus* (Tac. Ann. 1, 10), повсеместно ставились его